

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 6 (228)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

Москва
2011

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 6 / 2011
Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 228

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245328
Россия и мусульманский мир №6: Москва; 2011
ISBN 2011-6*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

ПОЧЕМУ МОСКВА ГОВОРIT «НЕТ»	5
РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА	15
АНАЛИЗ РЕЙТИНГОВ ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ	19
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОЙ	22
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Россия и мусульманский мир №6

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!*

ПОЧЕМУ МОСКВА ГОВОРIT «НЕТ» (Вопрос российских интересов, а не психологии)

Андрей Шлейфер, Дэниел Трейсман, политологи (США)

В последние десять лет поведение России на международной арене озадачивает многих американских наблюдателей. С точки зрения Вашингтона, главные вызовы современности – терроризм, ядерное распространение, изменение климата – носят глобальный характер и угрожают всем странам. Соединенные Штаты пытаются найти на них международный ответ. Однако Кремль оказался в этом отнюдь не помощником. На протяжении многих лет российские переговорщики блокировали попытки заставить Иран и КНДР отказаться от ядерных программ. В то же время Москва использовала экономическое и дипломатическое давление, чтобы помешать вступлению соседних стран в НАТО, она также препятствовала использованию американских баз для борьбы с талибами в Афганистане. А в августе 2008 г. Россия вторглась в Грузию и успешно отделила два горных анклава от ее территории.

Недавно появились некоторые намеки на потепление российско-американских отношений. В июне президент США Барак Обама и президент России Дмитрий Медведев беседовали в Вашингтоне, закусывая гамбургерами, и объявили о перезагрузке. Москва подписала новое соглашение взамен Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), срок действия которого истек, и поддержала резолюцию ООН об ужесточении санкций против Ирана.

Но в других вопросах Кремль по-прежнему разочаровывает. Россия согласилась лишь на те санкции, которые позволяют ей достроить АЭС Тегерану и, вероятно, разрабатывать его нефтегазовую отрасль. Россия провела военные учения, моделирующие вторжение в Польшу, и разместила противоздушные ракеты в Абхазии.

Объяснение такого поведения американские официальные лица и обозреватели обычно ищут в области психологии. Русские, говорят они, действуют так из-за оскорбленного самолюбия. Импульсивные, эмоционально неустойчивые и часто страдающие паранойей, они набрасываются на соседей, стремясь залечить раны недавнего прошлого и возродить утраченное чувство величия.

Все вашингтонские психологи связывают поведение России с комплексами ее лидеров, однако ставят разные диагнозы. Одни рассматривают сопротивление России политике США как детское бунтарство. Когда в 1990-е годы российские официальные лица яростно возражали против расширения Североатлантического альянса и протестовали против бомбардировок Сербии, некоторые в Вашингтоне усматривали в этом симптомы истерии. В 1994 г. президент Борис Ельцин напомнил президенту Биллу Клинтону, что «НАТО была создана во времена холодной войны», и предупредил, что включение в Альянс стран Центральной Европы «посеет зерна недоверия». Позже один из сотрудников Белого дома писал, что это заявление «подорвало уверенность (Клинтона) в эмоциональной, психической и политической устойчивости Ельцина». На протяжении десяти лет американские официальные лица пытались успокоить российских коллег и убедить их в том, что политика Соединенных Штатов на самом деле выгодна России. Между собой это называли «лечить нервы шпинатом».

Другие объясняли несговорчивость Москвы уязвленным эго. Как выразился в 2006 г. Ричард Бёрт, бывший представитель США на переговорах по контролю над вооружениями, политические реформы в России вряд ли будут успешными из-за чувства унижения и поражения, возникшего после окончания «холодной войны». Конфликт в Грузии в августе 2008 г., казалось, подтвердил эти подозрения: обозреватель Time назвал причиной вторжения Рос-

сии «зреющий в руководстве страны гнев из-за утраченного величия», а Newsweek писал, что российские лидеры одержимы идеей «добиться уважения».

Еще один частый диагноз – это паранойя. Приверженцы такой точки зрения считают, что у России нет достаточных оснований опасаться продвижения Североатлантического альянса к ее границам, размещения противоракетных комплексов в Восточной Европе или враждебности некоторых своих соседей. Негативно реагируя на «цветные революции» в Грузии и на Украине, российское руководство скорее подчинилось «параноидальному, агрессивному импульсу», как сказала тогдашний госсекретарь Кондолиза Райс. Или, как писал весной 2008 г., за несколько месяцев до конфликта с Грузией, болгарский политолог Иван Крастев: «Чтобы понять, почему Кремль действует таким образом, нужно осознать, насколько он не уверен в себе и страдает паранойей».

Наконец, прохладное отношение российского руководства к американским проектам воспринимают как результат «ментальности холодной войны» или неспособности отбросить устаревший способ мышления. Перед саммитом 2009 г. в Москве Обама жаловался, что российский премьер-министр Владимир Путин по-прежнему «одной ногой опирается на старые методы ведения дел». Если кремлевские деятели являются приверженцами антагонистического мышления времен «холодной войны», Соединенным Штатам нужно делать ставку на более молодое поколение – отсюда разговоры о том, что Вашингтон поддерживает более современного Медведева, а не Путина.

За 20 лет США неоднократно пытались применить различные варианты психологического подхода к России. Однако нет свидетельств того, что Вашингтон преуспел в этом. Напротив, это раздражало и вызывало противодействие, а поведение российских лидеров не изменялось так, чтобы больше соответствовать целям Соединенных Штатов. Этот подход основан на глубоком заблуждении по поводу мотивации России. Разумеется, лидеры страны хотели бы, чтобы к ним относились с уважением. Верно и то, что многие россияне чувствуют себя униженными из-за падения национального статуса, а риторика Кремля часто обусловлена этим ощущением разочарования. Но реальная причина, по которой США считают Россию таким неконструктивным партнером, лежит не в области психологии, она связана с объективной оценкой национального интереса.

Что важно для Москвы? Сегодня у России и Соединенных Штатов мало общих интересов и еще меньше общих приоритетов. Там, где они совпадают, российские лидеры часто сомневаются в эффективности американской стратегии. Более того, существует определенный дисбаланс: США, будучи мировой сверхдержавой, заинтересованы в поддержке России по многим вопросам, в то время как Россия нуждается в Соединенных Штатах в меньшей степени. Требования России исключительно негативны: Вашингтон должен остановить расширение НАТО и прекратить поощрять антироссийские правительства и неправительственные организации в соседних государствах.

Внешняя политика России при Путине и Медведеве была обусловлена тремя целями: укрепление экономического роста, поддержка дружественных режимов в бывших советских республиках и предотвращение терроризма в стране. С точки зрения российского руководства, успех в каждой из этих сфер жизненно необходим для сохранения власти и поддержки населения. Экономический рост стоит на первом месте. Кремль понимает, что власть в современном мире основана на экономической мощи. Как Путин заметил в феврале 2000 г., «не может быть супердержавы там, где царят слабость и бедность». Российские лидеры знают, что их популярность в стране объясняется впечатляющим возрождением экономики. ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности увеличился с менее чем 7 тыс. долл. в 1999 г. до почти 16 тыс. долл. в 2008 г. (и сопоставим с показателями Ирландии в 1987 г. или Португалии в 1989 г.). Основную роль в этом буме играют нефть и газ. Сегодня они обеспечивают треть российского бюджета. Хотя и Путин, и Медведев говорят

о модернизации и диверсификации экономики, они понимают, что по крайней мере в ближайшие десять лет процветание страны будет зависеть от сохранения стабильных рынков и относительно высоких цен на углеводороды. Принимая во внимание события недавнего прошлого, они должны осознавать, что если эти условия изменятся, под угрозой окажется не только процветание страны, но и их собственное политическое будущее. Хотя обвал цен на нефть в начале 1980-х годов стал не единственной причиной краха СССР несколько лет спустя, это был важный фактор. Позже, когда цены на нефть упали до 9 долл. за баррель, Россия объявила дефолт по своим долгам, поставивший крест на репутации ельцинских реформаторов.

Поэтому неудивительно, что мировоззрение российских лидеров формирует зависимость от экспорта топлива. Большая часть экспорта нефти и газа идет в Европу. В целом импорт из России составлял около 18 % всего энергопотребления в ЕС в 2007 г. (когда полностью обновлялись данные). Но некоторые страны зависимы в значительно большей степени. В то время как в 2007 г. Франция и Германия получали, соответственно, 14 и 36 % газа из России, показатели в странах Восточной Европы были гораздо выше: 48 % в Польше, 92 % в Болгарии и 100 % в трех прибалтийских государствах. Некоторые считают, что такая ситуация подвергает эти государства риску политического давления со стороны Кремля. В 2008 г. тогдашний британский премьер Гордон Браун предупреждал, что Европа может оказаться в «энергетических тисках» у таких стран, как Россия.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что именно Россия зависима от европейского рынка, а не наоборот, – и это самое удивительное. Европа, включая прибалтийские государства, является пунктом назначения почти для 67 % российского экспорта газа (другие бывшие советские республики покупают остальные 33 %). Точно так же, по данным 2007 г., 69 % российского экспорта нефти шло в Европу. С учетом того, насколько доходы и бюджет России зависят от этой торговли, потеря европейских клиентов стала бы катастрофой.

Вполне понятно, что Кремль без энтузиазма относится к строительству альтернативных трубопроводов для доставки в Европу газа из Центральной Азии. Газопровод «Набукко», проект которого поддерживают Евросоюз и Соединенные Штаты, предназначен для поставок азербайджанского (а возможно, когда-нибудь и иранского) газа через Турцию и Восточную Европу в Австрию. Москва рассматривает это как серьезную угрозу своему процветанию. Российский государственный гигант «Газпром» предпринимает шаги, чтобы препятствовать строительству «Набукко», скупая газ, который предполагалось транспортировать, и проектируя конкурирующий трубопровод «Южный поток», который в основном пройдет через те же страны.

Энергетика также сказывается на сложных отношениях России с Китаем и странами Центральной Азии. Экономический рост в КНР сулит обширный рынок для российского экспорта полезных ископаемых. Тем не менее, пока Китай предпочитает Москве центрально-азиатских производителей ресурсов, используя конкуренцию, чтобы заключать наиболее выгодные сделки. Хотя Россия недовольна тем, что ее обходят южные соседи, она предпочитает, чтобы они торговали с Азией, а не соперничали с «Газпромом» за европейский рынок. Тем не менее с падением потребности Европы в российской энергии в ближайшие годы китайские заказы станут особенно важными для обеспечения замены. Понимая это, Медведев встречался с главой КНР Ху Цзиньтао не менее пяти раз за год и подписал пакет новых соглашений в сентябре 2010 г.

В российской энергетической политике национальные приоритеты переплетаются с узкими интересами высокопоставленных руководителей, которые входят в советы директоров крупных корпораций и хотели бы, чтобы эти компании доминировали на рынках и приобретали зарубежные активы, не говоря уже о материальной выгоде для их друзей в

менеджменте. Коррупция кажется одной из основных проблем российского энергетического сектора. По словам Б. Немцова и В. Милова, либеральных критиков Путина, стоимость строительства трубопроводов «Газпрома» настолько высока (3 млн. долл. за километр по сравнению со средним мировым уровнем 1–1,5 млн. долл.), что это нельзя объяснить только некомпетентностью управления.

Разумеется, интересы хозяев Кремля и обычных россиян не всегда совпадают. Но это не означает, что энергетическая политика Москвы является только результатом коррупции. Зависимость России от экспорта топлива в Европу была бы такой же значительной, даже если бы в Кремле находилась команда истинных демократов и честных госслужащих. Российские демократы тоже предпочли бы, чтобы Болгария покупала газ у «Газпрома», а не у его конкурентов, а Белоруссия и Эстония платили бы такую же высокую цену за газ, как Германия и Италия.

Российская газовая индустрия столкнулась с новыми тревожными тенденциями. Мировое производство сжиженного природного газа (СПГ) возросло, что увеличило предложение, в то время как финансовый кризис сократил спрос. Одновременно новые перспективы добычи сланцевого газа повысили вероятность того, что скоро Европа сама сможет производить необходимый ей газ. Центральная опора российской политэкономии неожиданно зашаталась.

Второй основной интерес России – дружественность правительств в соседних странах. Это особенно чувствительный вопрос из-за 16 млн. этнических русских, которые остаются в постсоветском ближнем зарубежье. В случаях очевидной дискриминации – например, когда Эстония ввела экзамен по эстонскому языку в начале 1990-х годов, затруднив получение гражданства для местных русских, – давление общества вынуждает Кремль высказываться (но не предпринимать военные действия). В более широком масштабе Москва выступает резко против дальнейшего расширения НАТО на Восток. И это неудивительно: ни одно государство не будет приветствовать приближение исторически враждебного военного союза к своим границам вне зависимости от того, как часто этот альянс заявлял о своих мирных намерениях.

Тем не менее многие видят более зловещую цель во внешней политике Москвы – восстановление российского доминирования над бывшими советскими республиками и, возможно, даже над большей частью Восточной Европы посредством экономического и военного давления. Не имея возможности читать мысли Путина, полностью исключить такую вероятность невозможно. Однако доказательств существования такого экспансионистского плана мало.

Двадцать лет Россия в основном отступала в геополитическом плане. Вместо того чтобы расширять присутствие за границей, она демилитаризировалась и выводила войска на свою территорию. В 1990-х годах российская армия покинула Восточную Европу и страны Балтии, а общая численность войск под командованием Москвы снизилась с 3,4 млн. почти до 1 млн. солдат. С тех пор Россия ушла со своих баз на Кубе и во Вьетнаме и сократила численность войск в бывших советских республиках. За несколько лет до конфликта 2008 г. Путин закрыл в Грузии три военные базы, а численность российских солдат в этой стране сократилась, по оценкам Международного института стратегических исследований, с 5 тыс. до 1 тыс.

Режим, вынашивающий экспансионистские планы, вел бы себя совершенно иначе. Можно было бы взбудоражить русских националистов в приграничных районах стран Балтии, Восточной Украины или в Крыму и затем направить российские войска им на помощь. В Грузии ревизионистская Россия аннексировала бы Абхазию и Южную Осетию уже давно, еще до того как грузинский президент Михаил Саакашвили начал наращивать военную мощь после прихода к власти в 2004 г. Для многих на Западе российское вторжение в Грузию

в 2008 г. явилось доказательством территориальных претензий Москвы. Но если бы кремлевские руководители склонялись к идее экспансии, они бы двинули войска на Тбилиси, чтобы свергнуть Саакашвили и поставить на его место более дружественное правительство. По крайней мере российские войска взяли бы под контроль нефте- и газопроводы, которые проходят по территории Грузии. На самом же деле они не тронули трубопроводы и быстро вернулись в горы.

Попытки Москвы оказать влияние на соседей были не очень успешными. Содружество Независимых Государств, региональный координационный орган, который якобы является инструментом российского доминирования, распадается – только шесть из 11 президентов приняли участие в последней встрече, продолжавшейся всего 30 минут. Даже А. Лукашенко, белорусский диктатор, предположительно зависимый от Москвы, не согласился признать независимость Абхазии и Южной Осетии. В Киргизии президент К. Бакиев нарушил данное Москве обещание закрыть американскую авиабазу. (В Москве недолго горевали, когда несколько месяцев спустя в результате народных протестов Бакиев был свергнут, но, к раздражению Кремля, Лукашенко немедленно пригласил его в Минск.)

Стала ли зависимость от российского газа политическим рычагом влияния Москвы на Запад? Признаки этого не очень заметны. Можно было ожидать, что наиболее зависимые государства будут проявлять наибольшее уважение. В действительности именно эти страны – Чехия, Эстония и Польша – упорно старались «щелкнуть медведя по носу». Всего за несколько лет государства, в значительной степени зависящие от российских поставок нефти и газа, вступили в НАТО, разрешили разместить на своей территории элементы американской ПРО и подвергли критике политику России. В то же время менее зависимые западноевропейские страны – Германия и Италия – демонстрировали большую симпатию к Кремлю, например, не высказывая особого энтузиазма по поводу быстрого присоединения Грузии и Украины к НАТО.

Некоторые воспринимают периодические попытки «Газпрома» повысить цены на газ для Белоруссии, Грузии, Украины и других государств как политический шантаж. Хотя в «некоторых подобных конфликтах существовал политический подтекст, факт остается фактом: на протяжении многих лет Россия продавала газ странам, которые считала недружественными, за гораздо меньшую цену, чем платили страны Западной Европы. В 2005 г. Россия поставляла газ украинским «оранжевым революционерам» по 52 долл. за 1 тыс. м³, а то время как Германия платила 197 долл. Разницу частично можно объяснить расходами на транспортировку, но Россия долго продолжала поставлять газ в прибалтийские государства по значительно меньшей цене (90–95 долл. за 1 тыс. м³), чем в соседнюю Финляндию (148 долл.).

Почему Россия продавала газ такой низкой цене странам Восточной Европы и бывшего СССР – не совсем ясно. Мотивы «Газпрома» могли включать рациональную ценовую дискриминацию: умный монополист оценивает платежеспособность клиентов. В начале 1990-х годов «Газпром» резко повысил цены для прибалтийских государств, затем снизил их после падения спроса на две трети. Отчасти «Газпром» надеялся получить в обмен на низкие цены долю в системах трубопроводов и распределения энергоресурсов, чтобы в будущем закрепить спрос. Российские лидеры, возможно, полагали, что дешевый газ поможет улучшить отношения с государствами, которым оказывается предпочтение, или по крайней мере позволит избежать открытых конфликтов. Учитывая то, как мало Россия получила за свои ценовые уступки, пересмотр Кремлем этой политики не должен никого удивлять.

В действительности уроки недавних газовых войн кардинально отличаются от выводов, сделанных большинством обозревателей. Вместо того чтобы продемонстрировать возможности политического давления, газовый конфликт между Москвой и Киевом показал, насколько малым влиянием реально обладает Кремль. Нарушение поставок газа западноев-

ропейским потребителям, платящим высокую цену, могло быть только актом отчаяния – в конечном итоге, продолжение продажи российского газа в Европу, рынок, в котором Москва очень нуждается, зависит от уверенности европейцев в способности России обеспечить бесперебойные поставки. То, что Кремлю пришлось поставить под удар собственную репутацию, чтобы привлечь внимание Киева, демонстрирует пределы подобной политики шантажа.

Третьей важной целью России является предотвращение терроризма. Нет смысла обсуждать непростую историю военных действий России в Чечне, достаточно сказать, что сегодня Москва столкнулась с серьезной террористической угрозой со стороны исламских фундаменталистов, базирующихся на Северном Кавказе. Кремль решительно настроен ограничить поддержку этих группировок извне, что влияет на его политику в Афганистане, Иране и Центральной Азии.

Целенаправленность политики России не означает, что она всегда грамотно прорабатывается и реализуется. В экономике правительство вкладывает миллиарды долларов в проекты, которые кажутся обреченными на провал – как, например, попытка повысить котировки акций с помощью государственных приобретений или спасение отсталого автопроизводителя АвтоВАЗ. Инвестиции Москвы в высокие технологии могут принести какие-то плоды, но, скорее всего, расходы превысят прибыль. Пока Кремль уклоняется от введения мер, которые, вероятно, реально могли бы обеспечить быстрый рост, – от реформ правоохранительной и судебной систем и борьбы с коррупцией.

В отношениях с Западом российские представители иногда, кажется, готовы подлить масла в огонь русофобии. Если, как полагают многие, А. Литвиненко, критиковавший Путина, был отравлен в 2006 г. по приказу Кремля, трудно понять, какую выгоду Москва могла бы извлечь из этого убийства, ухудшившего имидж России в мире и осложнившего отношения с Великобританией.

В России, как и везде, политику делают личности. Путин поражает наблюдателей как чрезвычайно конкурентный политик, но иногда он вызывает разочарование – например, когда в 2009 г. заявил, что Россия вступит во Всемирную торговую организацию (ВТО) только вместе с Белоруссией и Казахстаном (позже он пересмотрел свою позицию). Но такие случаи – исключение. В основном политика России является целенаправленной, осторожной и – даже в случае заблуждений – достаточно последовательной. Вопрос в том, допускают ли цели, стоящие за этой политикой, практическое сотрудничество с США.

Соединенные Штаты понимают свою роль как одной из лидирующих мировых держав, а вызовы, с точки зрения Вашингтона, являются пугающими. В Афганистане, Ираке и Пакистане исламские боевики угрожают захватить власть и предоставляют базы для террористов. Проблема предотвращения ядерного распространения никогда ранее не стояла так остро – Иран приблизился к созданию бомбы, а КНДР отказывается разоружаться (если говорить о более широкой задаче, то Обама, как известно, призвал к безъядерному миру). Другие приоритеты США включают борьбу с изменением климата, обеспечение безопасности энергетических поставок и поддержание стабильного восстановления мировой экономики.

Благодаря своему географическому положению, статусу ядерной державы, историческим отношениям с ключевыми странами, праву вето в Совете Безопасности ООН, роли крупного экспортера энергоресурсов и крупнейшей армии в Европе Россия может либо содействовать, либо осложнить осуществление американских целей.

До недавнего времени для борьбы с «Талибаном» войска НАТО были вынуждены доставлять большую часть грузов на север из Пакистана через Хайберский проход. Но этот маршрут с трудом справляется с огромным объемом грузов, кроме того, конвои часто попадают в засаду. Согласие России в 2008 г. разрешить Альянсу транспортировать грузы на юг

по железной дороге или через российское воздушное пространство обеспечило необходимую альтернативу.

Москва могла бы также играть позитивную роль в усилиях, направленных на обуздание ядерных амбиций Ирана. На протяжении многих лет российские ученые-ядерщики развивали тесные связи со своими иранскими коллегами, эти отношения могли бы помочь в достижении компромисса на переговорах. Еще важнее, что поддержка России в Совете Безопасности ООН необходима для введения новых санкций или легитимного применения каких-либо других способов давления. (Россия согласилась на новый набор санкций, но только на те, которые, по-видимому, не затрагивали ее коммерческие интересы в Иране.)

Голосование Москвы в СБ ООН также имеет ключевое значение для любых скоординированных действий по сдерживанию ядерной программы КНДР. В более широком смысле дальнейшие соглашения по ядерному разоружению невозможны без участия России. Ни один план по борьбе с изменением климата не может игнорировать загрязнение, связанное с работой российских предприятий. Наконец, хотя это не столь значительно, российские долларовые резервы и объем долгосрочных казначейских облигаций США дает Москве по крайней мере небольшой потенциал для воздействия на стоимость доллара.

Но нужна ли России помощь Вашингтона, чтобы достичь своих целей? Краткий ответ – нет. Как потребитель российской энергии Соединенные Штаты отнюдь не самый крупный клиент – в последние пять лет они закупили 2–4 % от российского нефтяного экспорта и почти не приобретали газ. На самом деле энергетические интересы США и России в основном противоречат друг другу. Добыча газа из сланцевых залежей в Соединенных Штатах сделала возможной поставку СПГ в Европу, что привело к снижению цен. Вашингтон, стремясь избавить своих европейских партнеров от зависимости от России, поддерживает строительство альтернативных трубопроводов, таких как «Набукко». А в долгосрочной перспективе усилия США по уменьшению внутреннего спроса на ископаемые виды топлива приведет к снижению мировых цен на нефть, от которых зависит Москва.

В целом у России и Соединенных Штатов мало общих экономических интересов. В 1995 г. 6 % российского экспорта шло в США; к 2009 г. эта цифра составляла 3 % – меньше, чем Россия экспортирует в Польшу. В то же время доля Соединенных Штатов составляет всего 5 % от российского импорта. Доля США в потоке капитала в Россию тоже незначительная. В 1995 г. 28 % от общего объема иностранных инвестиций в Россию шло из Соединенных Штатов; к 2010 г. эта цифра сократилась до 2,5 %. К этому времени доля российских инвестиций в американскую экономику превышала инвестиции США в Россию.

Отдаление российской экономики от Соединенных Штатов совпало с укреплением связей Москвы с Европой и Китаем. В 2009 г. доля Европы составляла 52 % российского экспорта и 45 % российского импорта; еще 14 % импорта шло из Китая – по сравнению с 2 % в 1995 г. Хотя российский экспорт в КНР сейчас составляет менее 6 % от общего объема, эта цифра будет увеличиваться с ростом потребности Китая в сырье. Доля Европы в иностранных инвестициях в Россию возросла с 41 в 1995 г. до 71 % в 2010 г., хотя в основном это российские деньги, которые возвращаются в страну с Кипра, из Люксембурга и Швейцарии.

В рамках намеченной модернизации Москва, безусловно, будет рада увеличению американских частных инвестиций. В ходе визита в 2010 г. Медведев посетил Массачусетский технологический институт и Силиконовую долину. Партнерство с американскими фирмами, разумеется, необходимо, но на данном этапе высокотехнологичные совместные предприятия с Западной Европой будут иметь большее значение. В 2009 г. 61 % российских коммерческих соглашений об импорте высокотехнологичного оборудования и услуг был заключен с партнерами из ЕС (11 % – с американскими компаниями). В ближайшем будущем рост России будет в большей степени зависеть от копирования и применения американских инноваций, а не от сотрудничества с американскими учеными в создании новинок. «В сферах, где

Вашингтон может помочь России, – например, поддержав ее вступление в ВТО, – российские интересы являются смешанными. Членство в ВТО имело бы благоприятные последствия для некоторых отраслей, таких, как цветная металлургия, но пагубно сказалось бы на других – например, на автомобилестроении. Поэтому, хотя в целом Россия получила бы больше преимуществ, некоторые в Москве по-прежнему занимают двойственную позицию.

В достижении второй из основных целей России – содействие дружественным режимам в соседних государствах – Кремль не ожидает помощи от США. Ему бы просто хотелось, чтобы Соединенные Штаты перестали вмешиваться, используя методы, которые Россия называет неконструктивными. Однако Вашингтон считает попытки Москвы влиять на внешнюю и внутреннюю политику своих соседей нарушением их суверенитета. США финансово поддержали «цветные революции», в результате которых настроенные против России лидеры пришли к власти на Украине и в Киргизии, а также настаивали на скорейшем присоединении Грузии и Украины к НАТО. Хотя при Обаме такие усилия сократились, Вашингтон сохраняет приверженность идее членства Тбилиси и Киева в Североатлантическом альянсе, а американские военные продолжают проводить совместные учения с режимами, которые Москва считает враждебными, например в Грузии. Таким образом, в вопросе о российском ближнем зарубежье Вашингтон и Москва придерживаются диаметрально противоположных точек зрения, и сотрудничество вряд ли возможно. Наконец, недоверие и разница в подходах ограничивают сотрудничество в сфере борьбы России с исламскими террористами. Хотя ни Вашингтон, ни Москва не хотят усиления боевиков на Северном Кавказе, их взгляды на проблему настолько различны, что обсуждение вызывает только раздражение. Там, где многие в Вашингтоне усматривают сопротивление, вызванное грубыми нарушениями прав человека со стороны местных властей, Москва видит «войну против террора». Путин не понимает, почему Великобритания и Соединенные Штаты предоставили политическое убежище Ахмеду Закаеву и Ильясу Ахмадову, чеченским лидерам, которых он считает эмиссарами террористического движения.

За редким исключением Россия не нуждается или не хочет помощи от Вашингтона в достижении своих главных целей. Но она оценила бы, если бы США перестали вмешиваться, вооружая приграничные государства и пытаясь подорвать позиции России на энергетическом рынке.

Тем не менее Россия может по-прежнему надеяться, что Соединенные Штаты преуспеют в своих глобальных устремлениях. Например, Кремль не хотел бы видеть Афганистан под контролем «Талибана». Победа там исламистов может привести к выступлениям радикалов в Центральной Азии и усилить террористические сети Северного Кавказа. Но российское руководство не уверено в том, что НАТО победит «Талибан» или по крайней мере обеспечит стабильность. Представляя себе ситуацию после ухода американских войск, Кремль не хочет сейчас предпринимать шаги, которые сделают невозможными отношения с будущими правителями Кабула.

Москва также знает, что некоторый уровень напряженности держит в узде ее южных соседей. Если центрально-азиатские лидеры почувствуют угрозу со стороны «Талибана», они скорее будут готовы к сотрудничеству в рамках возглавляемой Москвой Организации Договора коллективной безопасности и к российскому военному присутствию в регионе. В то же время Россия озабочена потоками героина, хлынувшими через ее границы; производство наркотиков удвоилось после вторжения НАТО. И опросы показывают, что российское общество гораздо менее позитивно, чем Путин и Медведев, относится к идее помощи НАТО в Афганистане.

Иран также находится в центре сложных расчетов. Москва предпочла бы, чтобы Тегеран не разрабатывал ядерное оружие. Тем не менее многие российские официальные лица сомневаются, что даже самые жесткие экономические санкции, полностью поддержанные

Россией, могут предотвратить такой исход. В то же время у России есть экономические интересы в Иране, ставить которые под угрозу было бы слишком дорого. Российский экспорт в эту страну вырос с 250 млн. долл. в 1995 г. до 3,3 млрд. в 2008 г. Москва надеется получить контракты на строительство новых АЭС, разработку нефтяных и газовых месторождений и поставку в Иран современного вооружения. Россия в то же время не склонна искать какие-либо оправдания для иранских радикалов, раскачивающих ситуацию на Северном Кавказе.

Разрешение конфликта между Тегераном и Вашингтоном поставило бы под угрозу коммерческие и стратегические интересы России. Западные инвестиции, вероятно, пришли бы в нефтегазовую отрасль Ирана, конкурируя с российскими многонациональными проектами. Отмена санкций и ослабление напряженности привели бы к снижению цен на нефть; началось бы строительство новых трубопроводов для поставки иранского газа в Европу. Во многом нынешняя тупиковая ситуация отвечает целям Кремля. Россия также хотела бы ядерного разоружения КНДР, но при этом сомневается, что даже ее мощная поддержка санкций поможет добиться результата. Одновременно Россия опасается, что в случае военной эскалации конфликта или падения режима в Пхеньяне потоки беженцев устремятся на Дальний Восток.

Новый договор по СНВ закрепляет сокращение ядерного арсенала России, которое и так происходит естественным образом из-за старения вооружения. Дальнейшее сокращение не столь очевидно отвечает интересам России, поскольку противоракетные системы становятся более точными и мощными. Москве необходимо сохранить достаточно ракет и боеголовок, чтобы оставаться уверенной в возможности ответного удара. В сфере изменений климата Кремль признает, что глобальное потепление связано с огромными расходами из-за затоплений и разрушения инфраструктуры. Однако вопрос о том, как затраты на сокращение загрязнений должны быть распределены между промышленно развитыми и развивающимися государствами, остается спорным. Как и в других странах, в России имеются влиятельные группы, выступающие против ограничения выбросов.

Вашингтону не следует ожидать особой помощи от Москвы, но не из-за оскорбленного самолюбия или паранойи российских официальных лиц, а потому, что приоритеты Соединенных Штатов не являются их приоритетами – и вообще не соответствуют их интересам. Параллель с отношениями между США и Китаем может оказаться полезной. Выстраивая связи с Пекином, американские политики воспринимают конфликты интересов такими, как они есть. Они не ощущают необходимости опекать китайских коллег или проводить с ними сеансы психоанализа. Трудно представить, чтобы накануне пекинского саммита американский президент упрекал председателя Ху Цзиньтао за его устаревшие маоистские взгляды и обещал в качестве противовеса поддержать премьера Вэнь Цзябао.

Если противоположные интересы делают тесные отношения между Москвой и Вашингтоном маловероятными в ближайшие годы, то в долгосрочной перспективе имеется больше оснований для оптимизма. В то время как взаимодействие с Соединенными Штатами сокращалось, происходило постепенное сближение России с Европой и в экономическом, и в культурном плане. Поскольку эти изменения происходят медленно и не очень резко, они оставались незаметными. В дальнейшем Россия станет еще более европейской, не утратив при этом своих отличительных черт. В 2008 г. россияне совершили в 39 раз больше поездок в Западную Европу и в 19 раз больше поездок в Китай, чем в Соединенные Штаты. Из 41 тыс. российских студентов, обучавшихся за границей в 2008 г., 20 тыс. проходили курс в университетах Европы и только 5 тыс. – в США. В 2009 г. россияне предпочитали покупать недвижимость в Болгарии, Черногории, Германии, Испании и Чехии, а не в Соединенных Штатах.

Хотя пока не все россияне считают себя европейцами, их отношение меняется. В апреле 2010 г., отвечая на вопрос о том, с какими государствами Россия должна более

интенсивно сотрудничать во внешней политике, 50 % опрошенных назвали страны Западной Европы – таких оказалось даже больше, чем назвавших Белоруссию, Украину и другие страны СНГ (20 % назвали США). Большинство – 53 % – заявили в 2009 г., что поддержали бы вступление России в ЕС, если бы была такая возможность.

Вероятно, эти тенденции сохранятся. Даже если средние темпы роста в России замедлятся до чуть более 4 %, как прогнозирует Всемирный банк, через десять лет она догонит бедные страны Западной Европы по уровню доходов. С развитием страны ее средний класс продолжит расширяться и интегрироваться в Европу.

В какой-то момент, – хотя невозможно предсказать, когда именно, – произойдут политические перемены, либерализация органов власти и серьезная попытка взять под контроль коррупцию. Даже при росте торговли с Китаем культурная идентичность России будет еще прочнее связываться с Западом. В конечном итоге, хотя и не скоро, идея присоединения России к Евросоюзу может стать серьезной. Однако сотрудничество с Европой – особенно с Восточной Европой – будет сопровождаться и конфликтами. Сближение Москвы с Европой станет причиной обоюдной уязвимости и вызовет борьбу за преимущества и выгоду в торговле. Самый очевидный пример – энергетический рынок. Возможно, столкновения экономических интересов приведут к политическому кризису, который затруднит европеизацию России. Но, скорее всего, подобные конфликты будут успешно разрешены.

Даже если в ближайшие десять лет Россия и США не достигнут тесного партнерства, их отношения все равно могут быть конструктивными. Ограниченные связи необязательно должны быть плохими, и риторика России на протяжении прошлого года позволяет предположить, что Путин и Медведев хотели бы улучшить атмосферу. Парадоксально, но главным условием потепления является признание обеими сторонами пределов их общих интересов. Если в Вашингтоне будут ожидать слишком многого, не оправдавшиеся надежды вновь приведут к подозрениям, новым сеансам психоанализа и контрпродуктивным реакциям.

За исключением периодических вспышек покровительственной риторики, администрация Обамы подходила к России прагматично. И это принесло ограниченный, но полезный результат: новый договор по СНВ, соглашение о транспортировке грузов НАТО в Афганистан через российскую территорию и голосование России в Совете Безопасности ООН за санкции против Ирана.

Такой прагматизм означает признание того, что Соединенные Штаты мало что могут сделать для дальнейшей демократизации России. Продолжение роста и сближение с Европой хотя и не дает гарантий, но является наилучшей надеждой на политические реформы. Чем больше российская элита связана с Европой – через туризм, образование, деловое партнерство и социальные контакты, – тем больше она заинтересована в поддержании теплых отношений. Ослабление визовых требований Евросоюза для россиян ускорит процесс. Прагматизм также означает, что Вашингтону придется предоставить Европе право самостоятельно строить отношения с Россией.

Признание этих фактов не должно задевать такую перенапряженную супердержаву, как США. Вместо того чтобы стремиться вылечить Россию, Вашингтону нужно научиться иметь с ней дело – так же, как с Китаем, Индией и многими другими странами. Хорошая новость состоит в том, что по вопросам, которые действительно представляют взаимный интерес, Россия готова к сотрудничеству.

«Россия в глобальной политике», М., 2011 г., т. 9, № 1, с. 54–69.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. Куропаткина, кандидат культурологических наук (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования)

Согласно Конституции Российской Федерации, религиозные организации отделены от государства и равны перед законом. Собственно, этим участие в политике религиозных организаций и ограничено. В Конституции также ничего не сказано о религиозной традиции России. Между тем в законодательных актах 84 стран мира гарантируется (на разных уровнях) государственная поддержка религиозных организаций, В конституциях ряда стран западного ареала – Албании, Андорры, Германии, Греции, Польши, Словакии, Швейцарии – упоминается Бог или есть ссылка на особую религиозную традицию страны. Религиозная тематика представлена также в национальных девизах: Бог упоминается в лозунгах 29 стран: среди них отметим Великобританию, Данию, Израиль, Польшу, США. Бог или другой религиозный символ упоминается в государственных гимнах 79 стран, среди них – Великобритания, Италия, США, Франция, Чехия).

Несмотря на то что отношения государства и религиозных организаций куда менее детализированы в российском законодательстве, чем в зарубежных странах, известно, что верующие активно участвуют в политике. Кого же можно отнести к этой категории? Согласно статистике, число россиян, называющих себя верующими, неуклонно растет с середины 1990-х годов. Абсолютное большинство назвавших себя верующими считают себя православными. При этом для большей части опрошенных православие – это не соблюдение религиозных обрядов и участие в церковной жизни, что и предполагает воцерковленность, а только национальная традиция. Кроме того, невоцерковленная аудитория, поддерживая Русскую православную церковь как институт, при этом в повседневной жизни предпочитает ориентироваться не на национальные религиозные традиции, а на светскую этику, тесно связанную с демократическими ценностями.

Таким образом, большая часть россиян является номинально верующей. Что касается количества практикующих верующих, то государственной статистики в этой сфере не существует. Основная часть верующих объединена с правовой точки зрения в религиозные организации, с помощью которых и осуществляется их взаимодействие с государством. По данным Минюста на 1 января 2007 г., среди религиозных организаций преобладает с большим отрывом РПЦ (71 %), затем следуют мусульманские (12 %) и протестантские религиозные организации (2–5 %). Старообрядческие, иудаистские и буддийские организации занимают меньше 1 %. Что касается географической представленности конфессий, то во всех субъектах Федерации представлены РПЦ и протестанты (баптисты, адвентисты и пятидесятники), в большом количестве регионов – мусульмане, католики и старообрядцы. Что касается «сфер влияния», т.е. преобладающего или заметного количества зарегистрированных религиозных организаций в регионах, то первое место занимают «православные» регионы (59 %), затем следуют «мусульманские» (21 %) и «протестантские» (20 %).

Несмотря на то что верующих не так много, они часто являются активной частью гражданского общества, которая стремится донести свои идеи и до светского общества, и до государства. Один из распространенных вариантов донесения своих потребностей группой, объединенной по какому-либо признаку, – это создание политических партий. Однако, согласно п. 3 ст. 9 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», запрещено создание партий по религиозному признаку. Однако подобные партии законодательно признаны и активно действуют по меньшей мере в 70 странах мира (в том числе, например,

Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, США, Франции, Швеции, Швейцарии).

Таким образом, виден тренд: религиозные партии запрещены только в развивающихся странах, во многих же западных демократических государствах, включая подчеркнута светские Францию и США, такие партии активно действуют.

А как относятся россияне к возможному участию верующих людей в политике? Опрос ВЦИОМ показал, что большинство россиян (67 %) отрицательно относится к влиянию религиозных лидеров на политику, но вместе с тем больше половины (54 %) положительно относятся к приходу к власти верующих людей. Можно предположить, что россияне, выступая против явной клерикализации, все же готовы поддержать обычных верующих людей на выборах. Подтверждается ли этот тезис? Обратимся к истории политических партий по религиозному признаку, которые были отменены в 2003 г. Каковы были их успехи? Православные, мусульмане, язычники и протестанты в 1990 – начале 2000-х годов имели немногочисленные партии, отстаивавшие их интересы, однако большого успеха эти партии не добились. Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть россиян, априори предполагая, что верующие люди лучше всех остальных и поэтому «наведут порядок», вместе с тем не готовы реально поддерживать их политические амбиции.

Известна практика лоббирования религиозными организациями своих интересов с помощью своих представителей в органах власти. В 2000-х годах со стороны религиозных деятелей (пятидесятнических, православных, мусульманских, буддийских, языческих) было несколько попыток баллотироваться в органы местного самоуправления. В целом подобная политическая активность была сравнительно низка. Несколько религиозных лидеров действительно стали главами местного самоуправления. Среди них лидируют мусульмане.

Есть и другие способы участия в политике. Хотя прямая агитация за определенного кандидата запрещена законодательством Российской Федерации, однако не запрещены призывы к выполнению гражданского долга. Как утверждает статистика, количество даже таких призывов со стороны централизованных религиозных организаций было невысоким. Наибольшая активность была проявлена ими в период парламентских выборов 2007 г. и после объявления Путиным Медведева своим «преемником», из чего можно сделать вывод о том, что их политические взгляды – не самостоятельны, а основная цель – наладить отношения с действующей властью. В регионах иерархии РПЦ как самой крупной и влиятельной религиозной организации тоже редко выражают явно свою политическую позицию и решаются открыто выступать в поддержку губернаторов.

Таким образом, для религиозных организаций в России механизмы прямого участия в политике оказались малоэффективными. Каким же образом конфессии доносят свои интересы до властей?

Во-первых, РПЦ, мусульмане, иудаисты, католики, протестанты могут донести свои предложения до органов государственной власти, а также представить свои заключения на проекты федеральных законов, затрагивающих их интересы.

Во-вторых, конфессии могут выступить с публичным протестом (открытым письмом, обращением, митингом и т.д.) против нарушения их прав, причем так делают не только религиозные меньшинства, но и представители так называемых традиционных религий, причем явно чаще. Жалобы православных обычно касаются споров о принадлежности памятников архитектуры и искусства государству или РПЦ, мусульман – запретов богословской литературы и преследований согласно законодательству об экстремизме, католиков и протестантов – запретов на проведение мероприятий, лишения аренды и регистрации.

В-третьих, верующие могут активно действовать на поприще защиты общественной нравственности. Поскольку религия воспринимается в России внерелигиозно, т.е. как оплот национальной традиции и/или нравственности, то выступления религиозных организаций

в защиту последней – помимо всего прочего, хороший PR – и GR-ход. С середины 2000-х годов верующие стали выступать более консолидированы.

В-четвертых, существует механизм лоббирования своих интересов через общественные структуры. Лидируют общественные организации, связанные с православными и протестантами.

На самом ли деле действенны эти механизмы? Готово ли общество и государство идти навстречу религиозным организациям?

Как показывают данные соцопроса 2007 г., большинство россиян (54 %) доверяют РПЦ. Русская православная церковь уступает только Президенту РФ (68 %). Кроме того, большинство наших сограждан (55 %) полагает, что у РПЦ должны быть особые отношения с государством. Как намерено строить отношения с религиозными организациями государство? Как известно, в 2008 г. Президент РФ официально встречался только с православными, мусульманами и иудаистами. Таким образом, в первый год президентства Д.А. Медведева не было ни одной официальной встречи с представителями других конфессий. Что касается органов местного самоуправления, то в большинстве субъектов РФ они поддерживают РПЦ как первую конфессию, однако редко соглашаются на исключительно «проправославную» политику. Там, где мусульман, буддистов и язычников традиционно больше, чем православных, местная власть оказывает первостепенную поддержку именно этим религиям. Отношение местной власти в субъектах РФ к неправославным христианским конфессиям колеблется от хорошего к терпимому. Лучшие отношения имеют с властями лютеране, самые конфликтные – пятидесятники.

К каким конкретно механизмам взаимодействия приводит готовность властей к сотрудничеству? Прежде всего, это включение религиозных деятелей в советы по взаимодействию с религиозными объединениями. В Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ присутствуют практически все крупные конфессии федерального уровня: православные (РПЦ и старообрядцы), армяно-григориане, мусульмане, иудаисты, буддисты, католики, баптисты, адвентисты и пятидесятники. В субъектах Федерации местные власти обычно учитывают многоконфессиональность населения: хотя в советах лидируют православные (100 %) и мусульмане (81 %), однако представлены и другие конфессии (иудаисты – 45 %, лютеране, баптисты и пятидесятники – 39, католики – 32 % и т.д.)

Далее, с середины 2000-х годов религиозных лидеров начинают включать в общественные представительства (например, в Общественную палату). Представлены РПЦ, мусульмане, иудаисты, буддисты и пятидесятники. Органы государственной власти и органы местного самоуправления периодически выступают с предложениями в пользу конфессий. Больше всего предложений связано с РПЦ и другими так называемыми традиционными конфессиями. Самые известные – это проекты законов «О традиционных религиях». Российское государство начиная с 1990-х годов стало заключать договоры о сотрудничестве с религиозными организациями в сферах образования, благотворительности, патриотического воспитания и т.д.

Государство явно предпочитает в качестве партнера РПЦ (74 % всех договоров), дальше следуют иудаисты (9 %), мусульмане (6 %), буддисты, баптисты, адвентисты и пятидесятники (по 3 %). Местные власти в субъектах РФ, обычно замечая и признавая многоконфессиональность населения, тем не менее официальные договоры предпочитают заключать с РПЦ (83 %) – на 9 % больше, чем на федеральном уровне.

Выводы:

1. Религиозный фактор даже в такой секулярной стране, как Россия, имеет значение, и его необходимо учитывать.

2. Во многих странах мира легализованы политические партии по религиозному признаку, поэтому постановка вопроса о предоставлении российским религиозным организациям права создавать свои политические партии – целесообразна.

3. Тем не менее российский опыт показывает, что партии по религиозному признаку были малоэффективными. Религиозные организации предпочитали и предпочитают действовать либо с помощью контактов с представителями власти, либо через общественные организации.

4. Власть готова сотрудничать с религиозными организациями и идти им навстречу, однако явно предпочитает РПЦ или другие «традиционные» религиозные организации (в ряде субъектов РФ).

«Мир и политика», М., 2010 г., № 7, с. 86–90.

АНАЛИЗ РЕЙТИНГОВ ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ КАК ФАКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Ю. Ирхин, политолог (РАГС)

В условиях современного развития объективно повышается значение глобальных геополитических, экономических, информационных, общественных, в том числе религиозных, и иных лидеров, которые действуют в рамках мирового многоуровневого пространства. Главный редактор международного журнала *Newsweek International*, автор книг о мировой политике, Ф. Закария отмечал, что в мире обрели новые силы группы и отдельные личности, а иерархия, централизация и контроль оказались под угрозой. В условиях глобализации действуют различные латентные и сетевые организации, осуществляющие наднациональное взаимодействие. Выделяется геополитическое информационное противоборство. Под ним понимается одна из современных форм межгосударственной борьбы, а также система мер, проводимых одним государством с целью нарушения информационной безопасности другого, при одновременной защите от аналогичных действий своего противника. Политика развития Интернета, его политическое, социальное и культурное содержание, языковые формы также могут рассматриваться с точки зрения геополитических интересов.

Особую роль в геополитике играют мировые элиты и лидеры глобального уровня. Речь идет о влиятельных деятелях международного масштаба, занимающих важные позиции в сферах государственного и политического управления, бизнеса, массмедиа, духовной и религиозной жизни, «всемирного гражданского общества» и др. Их потенциал отражается в мировых рейтингах. Анализ рейтингов мировых лидеров в зависимости от ряда критериев дает объемную картину их потенциала. Так, журнал *Forbes* учитывает влияние лидеров в зависимости от характера государственной должности, степени контроля над финансами, влияния на различные виды деятельности людей, организаций и др.

В последней версии этого журнала представлен список 67 наиболее влиятельных мировых государственных, политических, экономических и духовных лидеров (ТОП-67). Автор статьи рассмотрел рейтинг 27 политических и государственных деятелей из этого списка, приведя дополнительные сведения. Такой подход позволил более полно представить факторы влияния мировых лидеров.

Персона и должность	Объем ВВП государства и место в мире	Дополнительная сфера влияния
1	2	3
1. Барак Обама (Президент США)	1-е место в мире – 14 трлн. долл.	Человек года (2008) по версии журнала «Time», лауреат Нобелевской премии мира
2. Ху Цзиньтао (Председатель КНР)	2-е место – 7 трлн. долл.	Стабильное и быстрое экономическое развитие, влиятельная зарубежная китайская община (200 млн.)
3. Владимир Путин (Председатель Правительства РФ)	8-е место – 2 трлн. долл.	Лидер правящей партии, Человек года (2007) по версии журнала «Time»
9. Султан Абдулла бин Абдул Азиз аль-Сауд (наследный принц Сауд. Аравии)	24-е место – 0,5 трлн. долл.	Роль в исламском ареале и финансах
10. Сильвио Берлускони (премьер-министр Италии)	10-е место – 1,7 трлн. долл.	Медиамагнат, владелец футбольного клуба «Милан»
15. Ангела Меркель (канцлер Германии)	5-е место – 3 трлн. долл.	Лидер правящей партии, женщина-политик
17. Хилари Клинтон (госсекретарь США)		Лидер правящей партии, женщина-политик
18. Ким Чен Ир (лидер КНДР)		Рисковое владение стратегическим оружием
20. Майкл Блумберг (мэр г. Нью-Йорк)		Роль в развитии и восстановлении города
21. Тимоти Гейтнер (министр финансов США)		Работа в МВФ, Совете по международным отношениям
34. Ким Джонг Ил (Председатель Нац. обороны КНДР)		Владение стратегическим оружием
29. Гордон Браун (бывший премьер Великобритании)	6-е место – 2,2 трлн.	Бывший лидер партии лейбористов
31. Билл Клинтон (экс-президент США)		Лидер Демократической партии
33. Луис Игнасио Лула да Силва (Президент Бразилии)	9-е место – 2,1 трлн. долл.	Страна – член БРИК
35. Юкио Хатояма (премьер Японии)	3-е место – 4,5 трлн. долл.	Лидер новой правящей (Демократической) партии
36. Манмохан Сингх (премьер Индии)	4-е место – 3,2 трлн. долл.	Лидер правящей партии (ИНК), опытный политик
37. Осам Бен Ладен (основатель «Аль-Каиды»)		Финансирование военных операций, глобальная сетевая организация
38. Сайед Юсуф Раза Гелани (премьер Пакистана)	26-е место – 0,5 трлн. долл.	Место Пакистана в конфликте в афганском ареале
42. Дмитрий Медведев (Президент РФ)	8-е место в мире – 2 трлн. долл.	Рациональный имидж, весомая роль в мировой и внутренней политике
43. Игорь Сечин (вице-премьер РФ)		Роль в ресурсной политике
46. Беньямин Нетаньяху (премьер Израиля)		Всемирная еврейская община, ядерное оружие
49. Джон Робертс (Верховный суд США)		Самый молодой Глава юстиции Верх. Суда США
50. Давуд Ибрагим Каскар (лидер Д-Компани, Индия)		Глава нелегальной организации Мумбай (Бомбей)
56. Николя Саркози (Президент Франции)	7-е место – 2,1 трлн. долл.	Лидер партии, эффективный имидж
62. Блэиро Маги (губернатор, Бразилия)		Губернатор штата в Амазонии, крупнейшего производителя сои
63. Роберт Зеллик (Всемирный банк, США)		Международная межгосударственная организация
64. Антонио Гутеррес (ООН, глава Департамента по беженцам)		Экс-премьер Португалии
65. Уго Чавес (Президент Венесуэлы)	31-е место в мире – 0,33 трлн. долл.	Авторитет, независимый характер, популизм, природные ресурсы страны
Нумерация приводится общая – по списку ТОП 67. Остальные номера относятся к мировым экономическим, массмедийным и духовным лидерам.		

В целом в списке 27 влиятельных мировых государственных и политических лидеров, наиболее широко представлены: США (8), Азия (конфуцианско-буддийская) – 8, Европа – 4, Россия – 3, арабо-исламский ареал – 3, Латинская Америка – 2.

Понятно, что в список 27 ведущих государственных и политических лидеров, представленных в рейтинге, могут быть включены и некоторые другие главы государств. Однако показательно, что практически все руководители ведущих государств мира оказались представленными в данном рейтинге. В него вошли все главы стран «большой восьмерки» – G8 и БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) или руководители 10 государств, имеющих наибольшие значения ВВП (США, КНР, Япония, Индия, ФРГ, Великобритания, Франция, Россия, Бразилия, Италия).

Среди 40 лидеров мировой экономической, массмедийной и духовно-религиозной элиты (по версии Forbes) ведущие места занимают: Бен Бернанке (председатель ФРС США), Сергей Брин, Ларри Пейдж (основатели и основные акционеры Google), Карлос Слим Элли (мультимиллиардер, 1-е место – 53,5 млрд. долл.), Руперт Мердок (медиамагнат), Билл Гейтс (основатель Microsoft, мультимиллиардер) и т.д.

В списке 40 влиятельных экономических, массмедийных и духовных мировых лидеров представлены: граждане США – 15 глобальных лидеров, Азии – 12, Европы – 6, арабо-исламского ареала – 4, Латинской Америки – 2 глобальных лидера. Россия, Восточная Европа в этой части рейтинга не представлены, что косвенно свидетельствует об их недостаточной

активности. Понимание значения рейтингов глобальных лидеров в различных сферах мировой политики, особенно новых (информационных, технологических), – может способствовать разработке реалистических концепций геополитики и рациональной внешней политики Российской Федерации.

«Геополитика, государственная безопасность, международные отношения», СПб., 2010 г., с. 94–97.

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Р. Беккин, востоковед (ИБ РАН)

Когда Центральный банк России стал активно проводить политику укрупнения банковского сектора, ссылаясь на Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», многие мелкие банки почувствовали, что над ними нависла реальная угроза. И дело не в том, что все они были причастны к операциям с нажитыми преступным путем доходами. Как это всегда происходит в России, под предлогом борьбы с преступностью начался очередной в новейшей истории страны передел собственности. Крупным банкам представился удачный случай выдать мелких конкурентов и окончательно превратиться в монополистов.

В условиях, когда почти каждый месяц отзывалась лицензия у трех неизвестных широкой общественности банков, обвиненных в противозаконной финансовой деятельности, вопрос о том, когда дойдет очередь до «Бадр-Форте Банка», был делом времени. «Бадр-Форте Банк» – единственный в России банк, использовавший в своей работе исламские технологии ведения бизнеса – получил лицензию Центрального банка в 1991 г., а исламские методы финансирования стал применять с 1997 г.

Примечательно, что в названии банка не было слова «исламский». Однако в его уставе было сказано, что банк имеет право «осуществлять свою деятельность в соответствии с действующим законодательством России и нормами международного права, используя исламские экономические технологии ведения банковского дела, не противоречащие банковскому законодательству России». «Бадр-Форте Банк» входил в Генеральный совет исламских банков при Исламском банке развития, что подтверждает признание на международном уровне осуществляемых им операций соответствующими шариату.

С точки зрения российского законодательства «Бадр-Форте Банк» был обычным коммерческим банком. «Сотрудники ЦБ на экспертном уровне были очень терпеливы, – отмечал председатель Правления банка А.Н. Джабиев, – старались услышать, понять декларацию о том, что с завтрашнего дня мы не будем брать и выплачивать процент. Им хотелось, чтобы мы говорили на языке экономических терминов. Как только мы сумели это продемонстрировать, нам было разрешено написать в нашем уставе, что банк функционирует, соблюдая исламские экономические принципы в рамках, не противоречащих российскому законодательству. Таким образом, нам удалось после этого адаптировать многие инструменты, допущенные российским законодательством, и сделать их исламскими, т.е. так называемыми смешанными продуктами. В этом смысле они были признаны впоследствии Центральным банком России и нашим шариатским советом». В 2006 г. Центральный банк не был столь же толерантен к «Бадр-Форте Банку», как девять лет перед этим. Весной 2006 г. в ходе проверки у банка были выявлены нарушения. Перед ним возникла угроза отзыва лицензии.

Долгие переговоры и письма в адрес президента страны и руководства Центробанка со стороны некоторых мусульманских деятелей, в которых подчеркивалась уникальность и необходимость банка для России, только что получившей статус наблюдателя в ОИК, привели к компромиссу. Было принято решение оштрафовать банк, но лицензию не отзывали. Однако убийство в сентябре 2006 г. заместителя председателя Центробанка Андрея Козлова вернуло стороны на исходные позиции весны 2006 г. Началась очередная проверка. Деятельность банка была временно приостановлена, а чиновники в неофициальных разговорах говорили об отзыве лицензии у банка как о свершившемся факте. Поубавилось энтузиазма и у защитников банка.

«Бадр-Форте Банк» – действительно уникальный для России и для всего мира банк. При разработке продуктов банка не обошлось без помощи зарубежных специалистов – как из среды мусульманских правоведов, так и экспертов по исламскому банковскому делу. Причина – отсутствие соответствующих кадров в самой России, для которой создание исламских финансовых структур началось в 1990-е годы с чистого листа. Но несмотря на это, «Бадр-Форте Банк» обладал оригинальными продуктами, разработанными с учетом специфики российского законодательства, например исламской ипотекой – продуктом, разработанным для помощи мусульманам Москвы и Московской области в решении жилищной проблемы в соответствии с шариатом. Заслуживает внимания то, как в «Бадр-Форте Банке» пытались применять исламские принципы в условиях российской экономики.

Проблема преодоления неприемлемых с точки зрения шариата элементов решалась в «Бадр-Форте-Банке», в частности, за счет использования векселей различных видов. Клиент эмитировал вексель и продавал его банку по номинальной стоимости, направляя полученные от проведения данной операции средства для финансирования своей инвестиционной деятельности. Покупка векселя оформлялась как репо – с обязательством клиента выкупить данный вексель на определенных условиях (с уплатой премии) и в определенный срок. Соответственно, цена обратного выкупа векселей не являлась фиксированной, а определялась, исходя из оценки сложившейся на момент заключения договора конъюнктуры на рынках профинансированных таким образом товаров или услуг, производимых клиентом, фактического уровня совокупной прибыли, полученной от объекта, профинансированного банком, и расчета издержек, понесенных банком. Иными словами, банк не нарушал российского законодательства, проводя операции с ценной бумагой (векселем). Не нарушались, по мнению некоторых правоведов, и нормы мусульманского права. Однако большинство мусульманских юристов не относит сделки репо к числу дозволенных. В постановлении Совета Исламской академии правоведения (фикха) сказано, что сделка купли-продажи под обязательство возврата запрещена, поскольку является не чем иным, как формой кредита, который направлен на извлечение кредитором прибыли (т.е. представляет собой скрытую форму рибы).

Вместе с тем механизм привлечения ресурсов не вызывал вопросов с точки зрения российского законодательства и большинства мусульманских правоведов. По действующему российскому законодательству банк не может не выплачивать по вкладам процентного вознаграждения, недопустимого с точки зрения шариата. По этой причине «Бадр-Форте» открывал своим клиентам только расчетные и текущие счета.

Одним из существенных недостатков, ограничивавших популярность «Бадр-Форте Банка» в среде мусульман, было отсутствие у банка филиалов. Неразвитость филиальной сети в «Бадр-Форте» пытались компенсировать за счет развития таких услуг, как интернет-банкинг и GSM-банкинг, позволявших клиентам банка иметь доступ к своим счетам из любой точки мира и получать выписки со своих счетов на мобильный телефон.

Другим фактором, сужавшим клиентскую базу банка в России, была концентрация «Бадр-Форте» на обслуживании внешнеторговых операций (конверсионных операций, международных переводов, документарных операций – аккредитивов, всех видов гарантий, в том числе тендерных) и кредитовании юридических лиц, а не на работе с физическими лицами (при работе с физическими лицами банк осуществлял международные переводы и выдачу наличных с текущего счета). Поэтому неудивительно, что мусульмане страны, даже при большом желании не имевшие возможности пользоваться услугами исламского банка, в целом индифферентно отнеслись к судьбе «Бадр-Форте».

В адрес банка раздавались не всегда обоснованные упреки в невыполнении им той социальной роли, которая отводится исламским банкам по всему миру, выражающейся, в частности, в помощи неимущим единоверцам и поддержке значимых для мусульман социальных проектов. При изучении вопроса об исламском банке в России невольно возникают

параллели с Исламским банком Британии, учрежденным в 2004 г. Но у двух исламских банков больше различий, чем сходств.

Прежде всего необходимо отметить, что официальные власти в Великобритании проявили заинтересованность в развитии исламского банковского дела, рассматривая оказание исламских финансовых услуг как шаг на пути диверсификации финансового рынка страны. В России же государство пока что сдержанно подходит к вопросу учреждения подобных структур.

В отличие от Исламского банка Британии российский «Бадр-Форте Банк» никогда не афишировал своей исламской природы. Другое важное и, пожалуй, ключевое отличие – наличие спроса на услуги исламских банков. Лондон – крупнейший мировой финансовый центр – в последние годы стал и исламским финансовым центром. В предложении исламских финансовых услуг было заинтересовано не только местное мусульманское сообщество, но и бизнесмены из других стран.

Что касается России, то спрос на услуги исламских банков в нашей стране все еще крайне низок. (Уникальность «Бадр-Форте Банка» заключалась в том, что он был создан в условиях практически полного отсутствия спроса на исламские финансовые услуги.) Большинство мусульман либо практически ничего не знают о запретах шариата в сфере деловых отношений, либо оправдывают неисполнение данных запретов отсутствием возможностей для соответствующего исламу делового поведения. Для значительного числа так называемых практикующих российских мусульман приверженность исламу ограничивается пятикратным намазом, посещением пятничной проповеди в мечетях, постом и – в случае наличия свободных средств – совершением хаджа. Третий столп ислама – закят – зачастую игнорируется. Слабым оправданием этому служит отсутствие системы централизованного сбора данного очистительного налога.

Означает ли это, что любой последующий эксперимент по созданию исламского банка в России обречен на провал? Отнюдь. Однако едва ли опыт «Бадр-Форте Банка» сможет пригодиться и будет востребован теми, кто захочет создать в России исламский банк. Причин тому несколько:

– во-первых, «Бадр-Форте» не был ни розничным, ни инвестиционным банком и специализировался на обслуживании внешнеторгового оборота России со странами третьего мира в Африке и Азии, что не слишком привлекает большинство отечественных финансистов;

– во-вторых, банк не был прозрачной структурой и отсутствие объективной информации от представителей банка с лихвой компенсировалось различными слухами и домыслами, лишь усилившимися после отзыва лицензии у «Бадр-Форте» в декабре 2006 г.;

– в-третьих, никто из российских бизнесменов не захочет, чтобы его проект ассоциировался с банком, у которого отозвали лицензию в соответствии с Законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Иными словами, создание исламского банка в России начнется с чистого листа.

К слову сказать, история «Бадр-Форте Банка» – первая удачная попытка создать исламский банк в России, но далеко не единственная. В начале 1990-х годов в Сбербанке рассматривалась возможность создания исламского «окна». В регионах также проявляли интерес к исламскому банковскому делу. 14 августа 1992 г. было объявлено об образовании Единого исламского акционерного коммерческого банка. Среди учредителей банка были заявлены «КамАЗ», «ЕлАЗ», Западносибирский металлургический комбинат, Исламский культурный центр Москвы, Всероссийский татарский культурно-просветительский центр. Инициатива по созданию первого в стране исламского банка, исходившая от руководства Российского союза промышленников и предпринимателей, получила поддержку у администрации Кеме-

ровской области. Более того, главе региона – Аману Тулееву был предложен пост президента банка. Цель создания банка была не религиозная, а сугубо практическая: развитие научно-технического потенциала стран СНГ, предпринимательской деятельности предприятий с привлечением иностранного капитала, – прежде всего из мусульманских стран. Определенный интерес к проекту проявили деловые круги Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции, Центрально-Азиатских стран. Однако проект не был реализован, и названный банк так и не начал работу.

Некоторые бизнесмены-мусульмане неоднократно публично объявляли о том, что их банки оказывают или готовы в ближайшее время предложить клиентам банковские услуги в соответствии с шариатом. Разговоры об учреждении исламского банка велись в середине 1990-х годов в Махачкале и последние несколько лет в Татарстане – самой светской мусульманской республике России.

Участие представителей банковского сообщества в конференциях и других мероприятиях, посвященных исламским финансам, свидетельствует о том, что российские банки с интересом изучают возможности применения исламских методов финансирования в своей деятельности. Однако после отзыва лицензии у «Бадр-Форте Банка» едва ли следует ожидать, что какой-нибудь российский банк захочет на свой страх и риск выходить на рынок с исламскими банковскими продуктами. Такого шага следует ожидать скорее от крупных банков с государственным участием: насколько позволяют судить имеющиеся в распоряжении автора источники, вопрос о создании линейки исламских корпоративных банковских продуктов одним из ведущих российских банков практически решен на самом высоком уровне.

Время же для создания полноценного розничного исламского банка в России придет не скоро, а лишь вслед за успешным стартом корпоративных финансов, соответствующих требованиям шариата. По мнению автора, о перспективах исламских финансов целесообразнее рассуждать не с позиции спроса, который, как известно, в информационном обществе не формирует предложение, а скорее наоборот, следует за ним, но в контексте тех экономических выгод, которые сможет получить Россия от развития исламских финансовых продуктов. Одной из очевидных выгод является привлечение инвестиций из стран Ближнего Востока, что тем более актуально в условиях переживаемого мирового экономического кризиса.

Как нам представляется, одним из наиболее вероятных сценариев развития исламских финансов в России будет привлечение средств через выпуск исламских облигаций (сукук). Целый ряд отечественных и зарубежных банков и компаний изучают возможности для выпуска сукук на российские активы. В частности, «ВТБ-Капитал». Однако не следует недооценивать и потенциал других исламских финансовых институтов и инструментов, особенно тех из них, функционирование которых возможно в рамках действующего законодательства. В настоящее время идет работа над двумя проектами по исламскому страхованию в России. Однако в отличие от Казахстана, данные проекты будут реализованы в рамках коммерческих компаний, а не в форме обществ взаимного страхования. Растет интерес к исламским методам финансирования и среди членов кооперативов в Поволжье и на Северном Кавказе.

В дальнейшем, по мере формирования спроса на исламские финансовые услуги и появления полноценных исламских розничных банков, которые не на словах, а на деле докажут свою эффективность, допустимо вести дискуссии о внесении поправок в законодательство. В этом смысле осторожная позиция российского руководства по проблеме развития исламского банковского дела в России выглядит оправданной.

«Исламская экономическая модель и современность», М., 2010 г., с. 285–291.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ТАТАРИИ В РЕГИОНАЛЬНУЮ ПРАВЯЩУЮ ЭЛИТУ ТАТАРСТАНА

С. Сергеев, А. Салагаев, политологи (г. Казань)

Изучение правящей элиты Республики Татарстан (РТ) ставит перед исследователями взаимосвязанные проблемы. Каким образом эта элита в исторически краткие сроки – за 2–3 года – смогла обеспечить себе практически монопольный контроль над экономической и политической сферами жизни республики?

Региональный режим, установившийся в Татарстане уже в начале 1990-х годов, не укладывается полностью, на наш взгляд, ни в один из четырех типов региональных режимов, выделенных В. Гельманом. Будучи наиболее близок к типу, названному «победитель получает все», региональный режим РТ отличается от него фактическим отсутствием смены элит и быстротой окончания состояния неопределенности, восстановлением контроля над регионом со стороны элиты.

В Саратовской области, послужившей исследовательским полем для установления характеристик данного типа режима, он был установлен к середине 1990-х годов после достаточно длительной борьбы элитных групп. Может быть, столь быстрая победа обязана внутренним характеристикам победившей элитной группы, например ее сплоченности, монолитности? Насколько эта монолитность сохранилась впоследствии и является специфической чертой правящей элиты Татарстана? Сначала попытаемся ответить на первый вопрос – о причинах быстрой и полной победы правящей элиты РТ над конкурентами на рубеже 80–90-х годов, затем проанализируем ее структуру в 2000-е годы.

Особенности как трансформационных процессов в самой республике, так и современной структуры татарстанской элиты связаны со спецификой «советского наследия» ТАССР (Татарской

автономной Советской Социалистической Республики). Как и в других индустриально-аграрных регионах, в позднесоветский период в ТАССР дифференциация номенклатурной элиты обуславливалась во многом сферами деятельности того или иного номенклатурного сегмента и была следующей: функционеры республиканского уровня (обком); управленцы-хозяйственники республиканского уровня (Совет Министров); директорат промышленных предприятий (здесь выделялись по меньшей мере две различные группы – нефтяники и директора предприятий ВПК); аграрии; городские функционеры.

Лидирующие позиции занимали республиканские функционеры, но в 1989 г. соотношение сил изменилось в пользу управленцев-хозяйственников. После ухода Г. Усманова на повышение в Москву в сентябре 1989 г. первым секретарем обкома КПСС стал бывший Председатель Совета Министров М. Шаймиев, который был тесно связан с аграриями. Следует отметить, что подобная жизненная траектория Председателя Совета Министров – проявление закономерности, а не случайности: республиканский Совет Министров был по преимуществу «аграрным», поскольку около 80 % промышленных предприятий республики находились в союзном подчинении, около 18 % – в подчинении РСФСР и лишь 2 % – в республиканском. Республике оставались в основном торговля, транспорт и сельское хозяйство, этим и занимался Совет Министров ТАССР. Иначе говоря, в силу специфики контролируемых ими ресурсов «партийные функционеры» поддерживали наиболее тесные контакты,

включая взаимообмен кадрами, в первую очередь с директором промышленных предприятий, а «совминовские» – с аграриями.

Возможно, что резкого изменения соотношения сил не произошло бы, но избавиться от конкурентов М. Шаймиеву помогло демократическое движение. В феврале 1990 г. до Казани докатилась волна «областных революций», в результате которой секретари ОК КПСС А.Г. Булатов и А.А. Родыгин лишились своих постов (первый некоторое время после снятия был главой холдинга «Мясопром РТ», второй – заместителем директора Казанского НИИ радиоэлектроники). Таким образом, демократическое движение способствовало фактическому «распылению» группы «старообкомовских» функционеров. В Верховном Совете ТАССР, избранном в 1990 г., партийные функционеры республиканского, городского и районного уровней составили наиболее значительную группу – около 50 человек (25 %), но преобладали среди них секретари райкомов сельских районов. Сложилась коалиция управленцев-хозяйственников и аграриев. Но каковы же были позиции директората и городских управленцев? Присоединились ли они к этой коалиции? Или же какие-то группы были разгромлены и частично вытеснены, а частично интегрированы победителями?

Республиканский директорат был неоднороден. Директора оборонных, машино- и приборостроительных предприятий ориентировались почти исключительно на союзный центр, в республике же наиболее тесные контакты поддерживали с обкомовскими функционерами. В большинстве случаев директором назначался человек из кадрового резерва обкома, непосредственно с ним связанный и его устраивавший. Отладка отношений с обкомом после назначения *post factum* менее типична и чаще вела к конфликтам, а подобный конфликт мог себе позволить лишь исключительно влиятельный директор (например, Н. Бех на «КамАЗе», что объяснимо особым положением «КамАЗа» среди других промышленных предприятий). Если же говорить о нефтедобывающих и нефтехимических предприятиях, то взаимодействие между их директоратом и обкомовскими функционерами носило столь интенсивный характер, что можно говорить о взаимопроникновении.

В результате директорат предприятий, формально находящихся в союзном и российском подчинении, оказывался зависим как в части, связанной с принятием решений о приоритетах экономического развития республики, так и в части контроля за организацией производства от регионального руководства («обкомовских функционеров»). Поскольку координационная роль секретарей и отделов обкома, отвечавших за экономику, из-за многоведомственности возрастала, обкомовские функционеры получали дополнительные полномочия по управлению экономикой региона. В результате эффекты сильной ведомственности в Татарии проявлялись иначе, нежели в «среднестатистических» российских регионах с сильной ведомственностью, где директорат наиболее крупных предприятий во многих отношениях фактически стоял над партийными органами. В ТАССР степень внутрирегиональной автономии большинства основных экономических акторов зависела от успешности взаимодействия с партийной элитой.

Данная конфигурация акторов вызывает вопросы о случившемся на рубеже 80–90-х годов. Если степень взаимодействия между обкомовскими функционерами и директоратом была столь высокой и успешной, то почему директорат в переломный момент трансформации стремительно утратил влияние и возможность воздействовать на события в желательном для него направлении? Следует обратить внимание на некоторые события, в том числе выборы народных депутатов СССР 1989 г. Представители директората приняли в них активное участие и... столкнулись с яростной оппозицией только что возникшего демократического движения. Для многих активистов этого движения слово «директор» было синонимом слов «номенклатурщик» и «партократ», превратившихся в ярлык-стигму.

Трудно сказать, было ли это элементом сознательной политической игры или получилось спонтанно, но директорат оказался в роли авангарда, выставленного функционерами

против демократического движения, и этот авангард был существенно потрепан и деморализован. На многие годы была утрачена возможность какого-либо взаимодействия директора и демократического движения против функционеров или аграриев.

В сентябре 1989 г. после ухода первого секретаря обкома КПСС Г. Усманова в Москву неоднородность директората и тесные контакты нефтяников с республиканскими функционерами проявились особенно наглядно. Р. Галеев, секретарь Альметьевского горкома КПСС (а ранее начальник старейшего нефтегазодобывающего участка «Альметьевскнефть»), отказался от борьбы за кресло первого секретаря Татарского обкома КПСС в пользу М. Шаймиева. Поддержка нефтяников и аграриев помогла М. Шаймиеву победить А. Булатова, занимавшего должность секретаря обкома. Организационный аспект конкуренции с А. Булатовым – соответствующую подготовку членов пленума Татарского ОК КПСС – взял на себя Х. Низамов, занимавший должность руководителя орготдела Совета министров ТАССР. Бывший пресс-секретарь М. Шаймиева И. Муртазин писал: «Низамов понимал, что Ахмет Галимзянович Булатов, возглавив Татарский обком, непременно задвинет в небытие Шаймиева, а вместе с ним и его, Низамова... В ночь накануне исторического голосования директор ресторана “Казань”, Д. Минахметов (позже он возглавил Фонд газификации республики) заготовил продуктовые наборы, с которыми к членам обкома и пошли “ходоки” – люди из ближнего круга Х. Низамова. В гостиничных номерах “за рюмками чая” фактически и была предreshены и судьба Минтимера Шаймиева, и вектор развития Татарстана на долгие годы». Тем самым коалиция республиканских функционеров, аграриев и нефтяников фактически была оформлена.

Представители нефтяников занимали важное место в региональной элите на протяжении всех 90-х годов, занимают его и сейчас. Р. Галеев длительное время, вплоть до 1999 г., был гендиректором «Татнефти», Ф. Мухаметшин (бывший секретарь Альметьевского горкома КПСС) в 1990–1995 гг. был председателем Верховного Совета РТ, в 1995–1998 гг. – председателем Совета министров РТ, с 1998 г. по настоящее время – председатель Госсовета РТ. Что касается городских функционеров, то эта группа была наиболее слабой, и не случайно единственным видным функционером, лишившимся в августе 1991 г. своего поста, был первый секретарь Казанского ГК КПСС, председатель Казанского горсовета Г.И. Зерцалов. Таким образом, группы директората и городских функционеров подчинились победителям и были в значительной мере интегрированы ими уже в 1990 г. Предпосылкой такой интеграции, как мы постарались показать, было ослабление директората (а в августе 1991 г. – и городских управленцев). О равноправном альянсе или картеле речь уже идти вряд ли могла, хотя определенные жизненные интересы подчиненных групп соблюдались.

На волне этой поддержки лидер «интегрированной» элиты сравнительно легко и безальтернативно 12 июня 1991 г. был избран президентом республики. Более того, руководство республики, опираясь на консолидированную партийно-хозяйственную элиту и имея за спиной поддержку союзного центра, могло бросать вызов за вызовом российскому руководству, которое в тех условиях было бессильно на них ответить (август 1990 г. – принятие Декларации о суверенитете республики, которую можно было интерпретировать как стремление к суверенитету вне рамок РСФСР, февраль-март 1991 г. – отказ от проведения на территории республики референдума об учреждении поста Президента РСФСР, май-июнь 1991 г. – отказ от проведения выборов президента России). Поэтому поведение татарстанского руководства в событиях августа 1991 г. было совершенно предсказуемым – оно поддержало ГКЧП. М. Шаймиев еще 19 августа встретился с Г. Янаевым, а 20 августа выступил перед руководством городских и республиканских организаций: «Я еще раз говорю: действуют законы, Конституция и всё вытекающее из решений Государственного комитета по чрезвычайному положению в стране и указаний президента республики... Кто пойдет по-другому, будет отвечать за свои действия по законам чрезвычайного положения».

Директорат был готов идти за функционерами и аграриями, поддерживая и суверенитет республики, и требования союзного статуса, и бойкот российского руководства, и одобрение ГКЧП, но не отделение от России и провозглашение государственной независимости Татарстана. Эти намерения вызвали сопротивление части директората, что можно проследить по противостоянию фракций и ключевым голосованиям 1991–1992 гг. в Верховном Совете. Более того, наметился определенный раскол директорского корпуса.

Когда в октябре 1991 г. активисты этнонационалистических организаций предприняли попытку штурма здания Верховного Совета и в повестку дня был поставлен вопрос о независимости Татарстана, несколько директоров и их заместителей вошли в группу «Согласие», представлявшую собой «широкий фронт» всех сторонников российской ориентации. В то же время, по сообщению бывшего депутата Госдумы В.В. Михайлова, «в Верховном Совете не было секретом, что гендиректор “КамАЗа” Бех выделял националам деньги по звонку сверху». Позже, 6 ноября 1992 г., при голосовании за Конституцию РТ большая часть производителей предпочла не регистрироваться, не голосовать. В числе отсутствовавших были Ю. Бахтеев, В. Филиппов (директор ПО «Тасма»), В. Цивилин (директор Чистопольского часового завода) и даже Н. Юсупов (директор ПО «Оргсинтез»). К этому списку могут быть добавлены директора более мелких предприятий. Большинство «отсутствовавших» в момент голосования находились в зале. Ясны и мотивы, побудившие их к такому выбору, – опасность разрыва экономических связей с Россией. В этот момент имели место и попытки корпоративной самоорганизации директората с целью противостояния альянсу республиканских функционеров и аграриев.

Вместе с тем стимулы, давившие на директорат в противоположном направлении, были, по-видимому, сильнее, а позиции его были ослаблены, и сопротивление, оказанное частью директоров республиканским функционерам, так и осталось «бунтом на коленях». Республиканские функционеры смогли предложить в тот момент директорату путь сохранения его интересов и в некоторых случаях обогащения. Этот путь предполагал полное послушание директората функционерам и невмешательство его в политику. Соблюдая, таким образом, частные интересы того или иного директора, этот путь был несовместим с признанием общих интересов директората как особого актора или особой группы.

Путь этот предполагал в качестве первого этапа перевод предприятий из союзного и российского подчинения в республиканское, хотя они и оставались государственной собственностью. Региональная госсобственность как временный вариант устраивала и республиканских функционеров, и директорат. Возможно, конечно, что в тот момент некоторые из директоров и предпочли бы увидеть свое предприятие в российской госсобственности. Но, с одной стороны, Россия не проявляла к такому повороту событий никакого интереса, а с другой – власти Татарстана угрожали непокорным всеми возможными санкциями.

Следующий шаг – приватизация, которая началась в Татарстане синхронно со всей остальной Россией, но имела чрезвычайно важную особенность: она проводилась «своими» и для «своих». Наряду с российскими, существовали и татарстанские приватизационные чеки (введены также в сентябре 1992 г.), а с 1993 г. начались торги госпакетами акций. Нельзя, конечно, категорично утверждать, что в начале 90-х годов или позже приватизация в РТ осуществлялась исключительно по инсайдерским схемам. Она осуществлялась преимущественно по таким схемам, и «чужаки» могли приобрести часть собственности республики обычно лишь с благословения президента и сугубо на обоюдной основе, только предложив взамен татарстанской элите что-то действительно ценное. Подобное развитие событий, безусловно, устраивало и подавляющую часть директората: они получали часть пакета акций, практически бесконтрольно распоряжались заводскими активами и в то же время были застрахованы от продажи постороннему инвестору, так как контрольный пакет, или «золотая акция», находился у государства в лице республиканских органов власти.

В результате к середине 2000-х годов республиканское руководство сохраняло полный или частичный контроль почти над всеми предприятиями республики. (В тех случаях, когда государство в лице республиканских органов власти владело менее чем 50 % акций, частью пакетов владели, как правило, фирмы, принадлежащие видным республиканским функционерам или их родственникам; государство в этих фирмах также имело определенную долю.)

После того как в результате заключения Договора между органами государственной власти РТ и РФ в феврале 1994 г. угроза со стороны Центра и внешних экономических акторов была сведена к минимуму, президент, опираясь на поддержку аграриев и нефтяников, вытеснил с политической авансцены сначала демократическую оппозицию, а затем коммунистов и татарских этнонационалистов. Правящая элита осталась, по сути дела, единственным значимым республиканским политическим актором. Именно в это время правящая элита РТ стала предметом политологического анализа. Ряд характеристик региональной элиты РТ, выделенных в этой работе, остаются справедливыми и по сей день. Еще тогда правящая элита РТ была в значительной мере моноэтничной (более 80 % – татары). Около 90 % нынешней политической элиты Татарстана занимали прежде номенклатурные должности, причем около 60 % ее – бывшие партийно-советские работники. Если в Москве еще в начале 90-х годов к власти пришли второй и третий эшелоны номенклатуры, то в Татарстане еще безраздельно господствует первый эшелон, причем татарстанское руководство – это преимущественно выходцы из деревень.

Специфическая деревенская культура, привнесенная значительной частью правящей элиты во властные отношения, включает в себя традиционные нормы внутреннего неприятия оппозиции и инакомыслия, чинопочитания, покровительства выходцам из собственной среды, еще больше – землякам, подозрительность к «чужакам», особенно из городских и образованных слоев, представления о собственной непогрешимости и т.п. Практически все члены местной элиты имеют высшее образование, но наблюдается большой крен в сторону сельскохозяйственной подготовки: около 50 % элиты закончили сельскохозяйственные и ветеринарные вузы. По возрастному составу подавляющее большинство элиты относится к группе 40–60 лет.

Вместе с тем при всей стабильности основных характеристик правящей элиты РТ время заставляет внести в них определенные коррективы. Начиная с 1998 г. региональная элита РТ молодеет, все большее значение приобретает группа «молодых финансистов» (лиц из окружения премьер-министра, окончивших Казанский финансово-экономический институт). Омоложению элиты способствовали кадровые перемещения 2005 г. и в особенности перемены в руководстве Казани, мэром которой стал И. Метшин (в апреле 2009 г. ему исполнилось 40 лет). Тем не менее следует отметить, что основное ядро элиты в целом остается стабильным, не претерпевая значительных изменений с 1998 по 2008 г. включительно.

Долгое время региональная элита Татарстана могла рассматриваться как типичная для республик в составе РФ: сельская по своему происхождению, номенклатурная по роду предшествующей деятельности, авторитарно-патриархальная по политической культуре, преимущественно моноэтничная и клановая (т.е. делающая акцент на личную лояльность) по характеру взаимоотношений между своими членами. Наряду с этими, безусловно, присутствующими ей чертами постулировались ее монолитность и однородность, – и элита РТ действительно является таковой по отношению к внешнему окружению.

Вместе с тем более тщательное изучение как биографий, так и взаимоотношений членов региональной элиты РТ приводит к иному выводу. Региональная элита РТ в действительности не столь монолитна, как может казаться на первый взгляд. Она едина, но состоит из нескольких групп, названных нами элитными группами второго порядка (субэлитными группами), или «кланами», наиболее крупные из которых имеют, в свою очередь, собственную внутреннюю иерархическую структуру. Каждая из них имеет своего лидера, являю-

щегося безусловным авторитетом и эталоном для членов группы. Эти группы в той или иной мере обособлены друг от друга, а порой даже жестоко враждуют друг с другом. Если региональная номенклатура 80-х годов была в значительной мере структурирована по сферам своей деятельности, то современная региональная элита РТ структурирована по персонально-командному принципу, причем в одну команду могут входить и хозяйственники, и «силовики», и медиапрофессионалы и т.д.

Предлагаемая модель может быть скорее определена как «элита единая, но сегментированная» и представляет собой промежуточный вариант между моделью монолитной элиты и расколом элит: в рамках единой элиты сосуществуют субэлитные группы, одни из которых могут сотрудничать друг с другом, создав «коалицию», другие же пытаются оспаривать их гегемонию и отстаивать свои интересы.

На протяжении первой половины 2000-х годов в составе региональной элиты РТ можно было выделить пять субэлитных групп. Кроме группы М. Шаймиева определенным влиянием также пользуются группа Ф. Мухаметшина (спикер Государственного совета РТ), группа Р. Минниханова (премьер-министр), группа Р. Муратова (вице-премьер) и группа К. Исхакова («казанская»). В январе 2009 г. М. Шаймиев, включенный в список претендентов на должность Президента РТ, поданный Президенту РФ, заявил о самоотводе. Д. Медведев предложил Госсовету РТ кандидатуру премьер-министра РТ Р. Минниханова, который и был избран на должность Президента РТ. После назначения К. Исхакова в ноябре 2005 г. полномочным представителем Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) члены его группы были частично абсорбированы другими группами, частично же переместились в ДФО. В то же время лидеры групп входят в группу главного республиканского лидера – М. Шаймиева, являющуюся основной. Тем самым сохраняется единство элиты, несмотря на противоречия между лидерами подчиненных групп (не исключено, что ссоры между ними разжигаются специально, чтобы дать возможность верховному лидеру выступить в роли главного арбитра или поставить на место не в меру амбициозного лидера второго плана, как это не раз бывало с К. Исхаковым). Рассмотрим данные субэлитные группы подробнее.

В субэлитной группе М. Шаймиева, наиболее крупной по сравнению с другими, четко видна ее сложная внутренняя структура. Внутренний, интимный круг составляет «семья» – близкие родственники М. Шаймиева (его жена Сакина Шаймиева, сыновья – Айрат и Радик, племянники, зять и др.). Старший сын М. Шаймиева, Айрат Шаймиев, возглавляет ОАО «Дорожный сервис Республики Татарстан», младший, Радик, является главным советником генерального директора ОАО «Татарско-американские инвестиции и финансы» (ТАИФ) и совладельцем этой компании. «Общественность воспринимает “ТАИФ” как собственность семьи Шаймиевых», – заметила Т. Шамсутдинова в интервью с гендиректором ТАИФа А.К. Шигабудиновым. Тот ответил, что «разговоры о влиянии “семьи какой-то” – это просто чушь... А что касается Радика Шаймиева, то он прекрасный парень, очень грамотный, эрудированный специалист, очень воспитанный человек» (А.К. Шигабудинов). Сыновья М. Шаймиева считаются одними из богатейших людей не только в Татарстане, но и в России. В феврале 2008 г. журнал «Финанс», оценивая состояния российских миллиардеров, включил в их число Р. Шаймиева (338-е место, 6,1 млрд. руб.) и А. Шаймиева (500-е место, 3,7 млрд. руб.) (500 миллиардеров, 2008). В феврале 2009 г. Р. Шаймиев в рейтинге «Финанс» занял 131-е место (7,3 млрд. руб.), А. Шаймиев – 241-е место (2,9 млрд. руб.) (Рейтинг российских миллиардеров, 2009). «Наш дом всегда был открыт для всех родственников, – отмечала в своих воспоминаниях С. Шаймиева, – племянников, которые в разные годы учились в казанских вузах, я старалась опекать, помочь им привыкнуть к казанской жизни». Многие из этих родственников, которых опекала С. Шаймиева, вошли в элиту Татарстана, в наиболее близкий

ее круг. К их числу следует отнести И. Фардиева, генерального директора ОАО «Татэнерго», которого в 2005–2007 гг. иногда рассматривали как возможного преемника М. Шаймиева.

Следующий, практически столь же близкий, круг составляют друзья «семьи». Здесь следует в первую очередь назвать друга А. Шаймиева Р. Минниханова, его братьев, А. Сафарова, министра внутренних дел РТ.

Третий, достаточно многочисленный, круг составляют «социально близкие» – высокопоставленные функционеры, за немногим исключением – татары, происходящие, как правило, из деревень, имеющие сельскохозяйственное или ветеринарное образование. Таковым является бывший глава аппарата Президента РТ, ныне его представитель в СФ РФ Э. Губайдуллин, таковы большинство глав муниципальных образований (ранее глав администраций городов и районов республики). К данному кругу, наверное, было бы правильно отнести и тех, кто длительное время работал вместе с М. Шаймиевым (деревенское происхождение и сельскохозяйственное образование остаются *conditio sine qua non* вхождения в данный круг).

Наконец, четвертый круг составляют «приближенные к трону» – функционеры, выделенные и приближенные М. Шаймиевым ввиду их деловых качеств, невзирая на происхождение, а также учитывая их безусловную личную лояльность. Эта группа наиболее разнородна и по возрастным характеристикам, и по этническим. Сюда следует отнести, в частности, председателя Национального банка Е. Богачева, бывшего советника президента по политическим вопросам Р. Хакимова и др. К этой группе, вероятно, следует отнести совершивших в самые последние годы стремительный карьерный подъем Ю.З. Камалтынова, руководителя аппарата Президента РТ, и И.Р. Метшина – мэра Казани. Группа М. Шаймиева практически контролирует и другие группы в правящей элите: Ф. Мухаметшина, Р. Минниханова, Р. Муратова.

В группе, объединившейся вокруг фигуры председателя Госсовета (ГС РТ) Ф.Х. Мухаметшина, нет таких ярких личностей, как в группе М. Шаймиева. Родственники Ф.Х. Мухаметшина в этой группе также практически отсутствуют.

Характерно, что Ф. Мухаметшин, принадлежал к группе «нефтекратов» (влиятельной партийно-хозяйственной группе, связанной с нефтедобычей) и, работая в партийных органах г. Альметьевска (центра нефтедобычи), не перетаскил за собой в Казань практически никого из тех, с кем вместе работал. Возможно, это связано с тем, что решающую роль в переходе его в Казань сыграл влиятельнейший тогда М. Сабиров, Председатель Совета министров. С 1998 г., когда М. Сабиров фактически вошел в группу «московских татар» (внутриэлитную оппозицию), а Ф. Мухаметшин вновь возглавил региональный парламент, их пути резко разошлись. Вместе с тем «нефтекраты» периодически появлялись в группе Ф. Мухаметшина и позже.

И сам Ф. Мухаметшин, и его группа производят впечатление «хронически вторых», людей, мало способных к собственной политической игре. Кроме того, состав группы наводит на мысль о том, что происходил не столько целенаправленный отбор членов группы, сколько в нее включались более или менее подходящие люди из тех, с кем сводила Ф. Мухаметшина судьба. Состав группы Ф. Мухаметшина меняется в зависимости от занимаемого им поста: старые члены группы могут переходить к М. Шаймиеву, Р. Минниханову, Ф. Мухаметшин же набирает новых, будучи не всегда в состоянии их удержать. Кроме нефтяников и фигур аппарата, подчиненного ему в данный момент, Ф. Мухаметшин склонен использовать как кадровый ресурс татарскую этническую интеллигенцию: журналистов, татарских поэтов, писателей. Так, в ГС РТ 1999 – 2004 гг. первым заместителем Ф. Мухаметшина был татарский поэт Ренат Харисов. З. Валеева, вице-премьер РТ с 1992 г., до 1992 г. была журналисткой, а ее муж, Р. Валеев – директором представительства «Радио Свобода / Свободная Европа–Татарстан», что нужно признать достаточно нетипичным для практики российских региональных органов власти.

Лидер следующей группы Р. Минниханов – в 1998–2010 гг. председатель Кабинета министров РТ, а с февраля 2010 г. – президент Республики Татарстан. На этапе формирования группа очень сильно зависела от доминирующей элитной группы М. Шаймиева, благосклонность которого, в сущности, и определила взлет трех братьев (старший Рифкат – начальник Управления ГИБДД МВД РТ, младший Раис – глава муниципального образования «Сабинский муниципальный район»). Глава группы находится в близких отношениях с группой М. Шаймиева и самим президентом, который поднял его в течение 1996–1998 гг. с должности главы администрации Высокогорского района до министра финансов и премьер-министра республики. Некоторые косвенные признаки свидетельствовали о том, что в 2005–2006 гг. отношения группы Р. Минниханова с рядом членов группы М. Шаймиева (из внутреннего, наиболее «глубинного» ее круга) были далеко не самыми лучшими. Причиной, как можно предполагать, было столкновение экономических интересов ОАО «Татнефть» (Р. Минниханов – председатель Совета директоров ОАО «Татнефть») и холдинга «ТАИФ». Но к 2007 г. эти противоречия, вероятно, были в основном преодолены, свидетельством чему стало успешное продвижение члена группы А. Шафигуллина на должность министра в объединенном Министерстве труда, занятости и соцзащиты РТ (ранее А. Шафигуллин был управляющим отделения Пенсионного фонда РФ по РТ). В то же время следует отметить, что «волна назначений» в исполнительной власти РТ летом 2007 г. отнюдь не означала усиления позиций Р. Минниханова. Занятие важных постов представителями его группы было уравновешено другими назначениями, сохраняющими баланс субэлитных групп. Так, министром транспорта и дорожного хозяйства РТ вместо В. Швецова, близкого к группе Р. Минниханова, был назначен И. Фасхутдинов, ранее работавший заместителем гендиректора ОАО «Дорожный сервис Республики Татарстан» (руководителем этой организации был А. Шаймиев).

Группа вице-преьера РТ Равиля Муратова несколько ослабла за последние годы; ее лидер уже не возглавляет совет директоров компании «Укртатнафта». Тем не менее она сохраняет немалый ресурсный потенциал. Р. Муратов возглавляет антикоррупционную комиссию; другие члены группы занимают значимые посты в официальных массмедиа, экономическом блоке правительства и др.

Следует, вероятно, сказать и о группе К. Исхакова, хотя в течение последних лет (2006–2009) она пребывает в состоянии распада и поглощения другими субэлитными группами. Данная группа состояла из двух неравных частей, что отражало характер рекрутирования ее членов. С одной стороны, это высокопоставленные городские чиновники и главы районных администраций Казани, работавшие ранее в районном и областном звене ВЛКСМ и КПСС, с другой – предприниматели новой волны. Главным политическим ресурсом К. Исхакова был Объединенный совет народных депутатов Казани, председателем которого он являлся. Его депутаты, как и большинство депутатов ГС РТ от казанских округов, прошли при поддержке К. Исхакова. Главы администрации районов Казани вплоть до 2005 г. также назначались К. Исхаковым.

С начала 2000 г. конфликт между республиканским руководством и администрацией Казани становится наиболее серьезным внутренним конфликтом в РТ. Подобный конфликт достаточно типичен для российских регионов, но в Татарстане он имел ту особенность, что глава администрации Казани К. Исхаков был назначенным главой, а не избранным мэром. Чаще всего интересы возглавляемой им субэлитной группы сталкивались с интересами групп, возглавляемых Р. Миннихановым и Р. Муратовым. Поводами для столкновений были, в частности, разграничение муниципальной и государственной собственности в Казани, предоставление преференций тому или иному бизнесу и пр. М. Шаймиев как верховный арбитр старался не вмешиваться открыто в споры по поводу экономических интересов. Однако когда группа К. Исхакова пыталась закрепиться на республиканском уровне,

проводя, в частности, своих депутатов в ГС РТ, это вызывало недовольство со стороны президента и критику К. Исхакова. Успех группы К. Исхакова на муниципальных выборах в октябре 2005 г. стал, как ни парадоксально, прелюдией к поражению его группы; его самого удалось вывести из внутриреспубликанской политики, предложив должность федерального уровня.

Некоторые из видных членов группы К. Исхакова подали в отставку практически сразу, другие ушли в ходе чистки аппарата администрации Казани, проведенной новым казанским мэром в начале 2006 г. Несмотря на объяснение, что эти изменения связаны с передачей части функций и полномочий республике, а также ликвидацией ряда структур за ненадобностью, очевидно, что эта кадровая чистка коснулась прежде всего исхаковских кадров. Тем самым группа К. Исхакова подверглась разгрому и частичной интеграции победителями. Значительная часть членов группы предпочла перебраться в Дальневосточный федеральный округ, заняв должности в аппарате полпреда и потеснив дальневосточные региональные элиты. Но и на Дальнем Востоке К. Исхаков поработал недолго, будучи в октябре 2006 г. назначен заместителем министра регионального развития РФ (но и в этом качестве по-прежнему курируя Дальний Восток), а в июле 2008 г. став представителем России при Организации Исламская конференция. Данное назначение, по-видимому, минимизирует вероятность назначения К. Исхакова полпредом в ПФО или Президентом РТ, чего так опасалась группа М. Шаймиева и татарстанская элита в целом. Члены его субэлитной группы, перебравшиеся на Дальний Восток, оказались в достаточно сложной ситуации. Часть из них даже попала под суд по обвинению в злоупотреблении служебным положением.

Противостояние группы К. Исхакова с остальными группами не носило абсолютного характера. Важной особенностью региональной элиты Татарстана является возможность вхождения одной и той же персоны в разные субэлитные группы. Хотя подобных фигур немного, но само их существование позволяет говорить о единстве региональной элиты Татарстана, разделенной на субэлитные группы. Несмотря на все разногласия с К. Исхаковым, члены его группы постоянно совершали переходы в группу М. Шаймиева, сохраняя при этом отношения и с прежней группой: Григорьев, депутат ГД РФ А. Хайруллин, руководитель пресс-центра Президента РТ А. Зарипов (до 2002 г. – начальник управления по связям с общественными организациями и СМИ администрации Казани), первый вице-премьер РТ Б. Павлов (до апреля 2005 г. – председатель Комитета по социально-экономическому развитию администрации Казани). Это обстоятельство, конечно, облегчает в настоящее время интеграцию многих членов группы К. Исхакова в другие группы. Примеры обратного движения более редки. Например, Р. Фасхутдинов в 1991–1999 гг. был заместителем главы администрации Казани, курируя городскую торговлю, с 1999 г. был первым заместителем гендиректора ОАО «ТАИФ», потом опять в течение нескольких месяцев 2005 г. был заместителем К. Исхакова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.